РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ/RUSSIAN LANGUAGE. LANGUAGES OF THE PEOPLES OF RUSSIA

DOI: https://doi.org/10.18454/RULB.2023.48.43

ОБРАЗ НЕЗАКОННОРОЖДЕННОГО РЕБЁНКА В КАРЕЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Научная статья

Пеллинен Н.А.[1, *]
[1] ORCID : 0000-0002-5648-6877;
[1] Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (nataliapellinen[at]yandex.ru)

Аннотация

В статье с позиций этнолингвистики представлен взгляд на языковой образ внебрачного ребёнка в карельских диалектах. Основные черты образа незаконнорожденного осмыслены через призму лексики и фразеологии карельского языка с привлечением данных других прибалтийско-финских языков. Сделана попытка сопоставить вырисовывающиеся на материалах карельских диалектов доминанты образа внебрачного ребёнка с аналогичными в русской культуре. Ключевыми аспектами в языковом образе незаконнорожденного становятся его инаковость и чуждость человеческому коллективу, прослеживаются также семантические параллели между образом внебрачного ребёнка и негативными явлениями хозяйственной деятельности крестьянина, суровыми реалиями северной природы и порицаемым сельской общиной приданым матери.

Ключевые слова: карельский язык, этнолингвистика, языковая картина мира детства.

THE IMAGE OF AN ILLEGITIMATE CHILD IN THE KARELIAN LANGUAGE

Research article

Pellinen N.A.[1, *]
[1] ORCID : 0000-0002-5648-6877;
[1] Institute of Linguistics, Literature and History of Karelian Research Centre Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russian Federation

* Corresponding author (nataliapellinen[at]yandex.ru)

Abstract

The article presents an ethnolinguistic view of the linguistic image of a child born out of wedlock in Karelian dialects. The main features of the image of the illegitimate child are comprehended through the prism of the lexicon and phraseology of the Karelian language, with the involvement of data from other Baltic-Finnish languages. An attempt is made to compare the dominants of the image of the illegitimate child that emerge in the Karelian dialects with those in Russian culture. The key aspects in the linguistic image of the illegitimate child are its otherness and alienation to the human community; semantic parallels between the image of the illegitimate child and negative phenomena of the peasant's economic activity, the harsh realities of northern nature and the mother's dowry censured by the rural community are also observed.

Keywords: Karelian language, ethnolinguistics, linguistic worldview of childhood.

Введение

Исследование языковой картины мира детства любого народа интересно не только с точки зрения вариативности и экспрессивности многих образов, сопутствующих этому периоду жизненного цикла [5], но также с позиций переходности и уязвимости положения ребёнка в земном мире (особенно в первые месяцы жизни). В связи с этим отдельный интерес вызывает воплощённый в языке образ незаконнорожденного ребёнка, попытке осмыслить некоторые аспекты этого феномена в карельском языке посвящена данная статья.

Методы и принципы исследования

В исследовании применяются этнолингвистические принципы и подходы, ведущим является метод описания лексики по лексико-семантическим полям и группам. В качестве теоретической базы используются работы исследователей прибалтийско-финской и русской лексики и культуры. При анализе привлекаются данные словарей и лингвистических ресурсов разных типов: двуязычные словари, Открытый корпус вепсского и карельского языков, словарь говоров финского языка, фразеологический словарь карельского языка, этимологический словарь финского языка, а также издание Славянские древности. Этнолингвистический словарь.

Основные результаты

Незаконнорожденный ребёнок в традиционной культуре – существо, обладающее особым статусом, негласно ограниченное в части прав крестьянского общества, по мнению некоторых исследователей такой ребёнок являлся априори «чужим» в человеческом коллективе [3, С. 82]. При сосуществовании в народном сознании мифологических верований и религиозных устоев христианства, незаконнорожденный ребёнок, с одной стороны, лишён духов-покровителей рода отца (ср. «половинкин сын»), с другой – его зачатие и рождение не благословлено церковью, а, значит, приход в мир такого ребёнка, по народным представлениям, ошибочен, греховен, расходится с традиционными нормами. Примером таких распространённых в народной среде установок является убеждение, что следствием половой связи вне брака могло стать рождение гермафродита; объяснение этому, вероятно, связано с невозможностью

влиять на пол ребёнка, как это имело место для супружеских пар, и, напротив, при внебрачных интимных отношениях механизм формирования пола не соблюдался, так как целью подобной связи не было рождение детей [1, С. 20].

О том, насколько распространённой тенденцией в крестьянской среде было появление незаконнорожденных детей, рассуждает Юрий Шикалов в своей работе, посвящённой вопросам деторождения, младенческой смертности и внебрачным детям в Беломорской Карелии и на западном побережье Беломорья в 1860−1910-х годах; исследователь пишет о шести процентах внебрачных детей, рождавшихся в Архангельской губернии ежегодно, и отмечает, что церковь считала официальными только те браки, которые были заключены и благословлены священнослужителями, таким образом, «незаконнорожденные» дети появлялись на свет в результате:

1) добрачных половых связей;

2) супружеской жизни без церковного венчания;

3) несоблюдения супружеской верности [10, С. 259-260].

Как известно, в традиционной культуре карелов за мужчиной и женщиной закреплялся статус мужа и жены уже после соблюдения брачных ритуалов, при этом венчание в церкви могло быть отложено на более позднее время. В проводимом исследовании под понятием «внебрачный ребёнок» подразумевается ребёнок, рождённый вне брака, в первую очередь, с точки зрения канонов традиционной культуры.

Несмотря на незавидный в традиционном понимании статус внебрачного ребёнка, а также желание сельской общины дистанцироваться от него, в официальных институтах и народной среде прослеживается стремление каким-либо образом определить происхождение такого человека и отнести к тому или иному представителю его рода. Так, за незаконнорожденными в Российской империи при регистрации часто закреплялась фамилия Богданов, т. е. Богом данный, а среди деревенской общины – именование по имени матери, переносившимся на жену, детей, внуков и пр. рождённого вне брака лица, как в следующем примере из вепсского языка: *Lűbič* ‘Любич’, *Lűbičan akk* ‘Любичиха’, букв. ‘жена Любича’, *Lűbičan vonuk* ‘внук Любича’ – прозвища по имени прародительницы Любови Ананьевой (Любы), родившей, не состоя в замужестве, двух детей [2, С. 47-49].

Представляется, что самым частотным обозначающим внебрачного ребёнка словом является *äbäreh*, *äpäreh* [4], [7], [9] и производные от неё (например, *äpärehlapsi*, где *lapsi* – ‘ребёнок’; *äpärehriebu*, где *riebu* – ‘рвань’, ‘что-либо негодное’ [7]). По данным этимологического словаря финского языка, слово *äpärä* восходит к германскому корню «*apara*» и его первоначальным значением является что-либо «поздно зародившееся», ср.: *äpärävuona* ‘ягнёнок, родившийся в конце лета или осенью’, *äpäre* ‘ота́ва’, в отношении лексемы *äpärä* в издании также приводятся значения ‘недоношенный ребёнок’, ‘душа-привидение убитого ребёнка’ и др. [12, С. 498]. Во всех примерах прослеживается семантика неуместности, несоответствия явления общепринятой норме. В диалектах карельского языка слово *äbäreh*, *äpäreh* означает также ребёнка или подростка вообще, но зачастую обладает негативной коннотацией, например, лексема используется в отношении шумных или непослушных детей (*äpärehet, elköä ränkykköä* ‘дети, не орите’, *ned on kačo äbärehed, ei kuulta nimidä* ‘такие вот дети, не слышат ничего’ [7]). Представляется, что это значение развилось позже остальных. В различных диалектах карельского языка незаконнорожденных детей, как и детей вообще, презрительно могли также называть *kakara* букв. ‘комок навоза’, *pentu* ‘детёныщ животного’ и др. В именованиях такого рода так же, как и в случае с лексемой «äpäreh», присутствует семантика чего-то малозначимого, жалкого или даже сорного. Отдельно отметим повсеместно распространённую в карельских диалектах лексему *huorilapsi* ‘нагулянный ребёнок’ и производные от неё (*huoraäpäreh*, *huoriäpäreh*, *huorikakara* [7]), компонент *huori*, *huora* ‘женщина лёгкого поведения’, ‘шлюха’ определяет негативную коннотацию лексемы.

Поэтически о зачатии и рождении внебрачного ребёнка в карельском языке говорят так: *tuulel tuodu*, *ahaval ajettu* ‘ветром принесён, сухим, холодным пригнан’ [8]. Поэтический образ семантически соотносится с безызвестностью, неприкаянностью, тоской, на которые, в традиционном сознании, обречён внебрачный ребёнок. Согласно этнолингвистическому словарю славянских древностей, ветер, по народным представлениям, персонифицирован или наделён свойствами демонического существа; причины появления ветра связаны с отождествлением ветра с местонахождением душ и демонов, при этом существует деление ветров на добрые (как поволжское и прикаспийское святой воздух ‘благоприятный ветер’) и злые, «наиболее ярким воплощением которого является вихрь» [6, С. 357-358]. Что касается картины мира прибалтийско-финских народов, то ветер в ней также персонифицирован, доказательством чего можно считать существование заговоров на «смирение» или, напротив, поднятие ветра. Если следовать логике существования мира духов, параллельного миру людей, то рассмотренная выше модель *ahava tuuli* ‘холодный сухой ветер’ соотносима с недобрым ветром, предвестником безрадостных событий. По мнению Д.А. Баранова, факт неполноты родственных связей, «привязывающих» незаконнорожденного к человеческому коллективу, влияет на формирование представления о нём как о части природы; идея найденной взрослыми неизвестной находки составляет основу семантической мотивировки самой многочисленной группы определений внебрачного ребёнка в русском языке, которую можно условно обозначить как «природно-пространственную»: «боровичок», «капустничек» (Казанская губ.), «крапивник» (повсеместно), «луговой» (Курская губ.), «подкустарничек», «подпечник» (Ярославская губ.) и др. [1, С. 81-82].

Яркое выражение, связанное с наличием у выходящей замуж женщины внебрачного ребёнка, рождённого от другого мужчины, удалось зафиксировать от прекрасного знатока собственно карельского наречия и языкового активиста Валентины Ивановны Каракиной. Так ребёнка, рождённого вне нынешнего брака его матери, карелы могли пренебрежительно называть *prituaniepokko* ‘баран в приданое’, лексема употребляется в выражении *männä miehol’ah prituaniepokon kera* ‘выйти замуж с бараном в качестве приданого’. Можно сделать предположение о семантике данной лексемы, сравнив её с другими примерами из лексико-семантической группы «приданое невесты»: *prituanielehmä* ‘корова в приданое’, *prituaniepeite* ‘одеяло в приданое’, *prituanielammaš* ‘овца в приданое’. Вероятно, значение лексемы *prituaniepokko* ‘баран в приданое’ также связано с семантикой размножения, осеменения. Если

дифференцирующие модельный ряд лексико-семантической группы «приданое невесты» лексемы *lehmä* ‘корова’, *lammaš* ‘овца’ и *peite* ‘одеяло’ соотносятся с семейным очагом, уютом, теплом, то лексемы типа *häkki* ‘бык’, pokko ‘баран’ в традиционном сознании могут ассоциироваться с силой и мужским началом, в этом случае выражением *prituaniepokko* ‘баран в приданое’ в отношении ребёнка в деревне женщину порицали за внебрачные связи.

В значении, аналогичном рассмотренному выше, употребляется лексема *kello* ‘колокол’ в выражениях типа *soanu kuulun kellon kakalahansa* ‘получила звонкий колокол на свою шею’, зафиксировано в Соткамо, Финляндия [11, С. 723]. В этом случае внебрачный ребёнок ассоциируется с колоколом, семантически соотносящимся с фактом, который невозможно скрыть от людей. В образе, создаваемом в данной паремии, колокол находится на шее у женщины, что вызывает ассоциативную параллель с главной коровой в стаде, не расстающейся при пастьбе с колоколом. Внутренняя семантика образа обладает характеристиками известности, продолжительности, а также некой обременительности явления. Вообще, колокол и колокольный звон являются универсальными символами для разных культур. Звон колоколов соотносится с вестью, трагической или радостной, адресованной определённому коллективу и часто призывающей его к действию, в подтверждение этого достаточно вспомнить паремии из русского языка «бить в набат», «звонить во все колокола» и др.

Заключение

Обращение к некоторым воплощённым в лексике, фразеологии и фольклоре составляющим образа незаконнорожденного ребёнка позволяет выявить ключевые доминанты народных представлений о его роли и месте в сельской общине. Так внебрачный ребёнок с точки зрения своего происхождения воспринимается чуждым человеческому коллективу существом и соотносится с нежелательными реалиями из хозяйственной деятельности, суровыми явлениями природы или выраженным в символах нежелательным и порицаемым обществом приданым. По этим категориям положение внебрачного ребёнка в карельской культуре очень близко реконструируемому у других прибалтийско-финских и славянских народов, а также в традиционном обществе в целом.

Финансирование

Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания Карельского научного центра РАН.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Funding

The publication was prepared within the framework of the state assignment of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Баранов Д.А. Образ ребенка в представлениях русских о зачатии и рождении (по этнографическим, фольклорным и лингвистическим материалам): дис. … канд. ист. наук / Д.А. Баранов. — СПб., 1999. — 155 с.
2. Винокурова И.Ю. Дети в некоторых обрядах и представлениях вепсов / И.Ю. Винокурова // Обряды и верования народов Карелии. Человек и его жизненный цикл. — Петрозаводск, 1994. — С. 41−64.
3. Головин В.В. Русская колыбельная песня в фольклоре и литературе / В.В. Головин. — Åbo: Åbo Akademi University Press, 2000. — 451 с.
4. Открытый корпус вепсского и карельского языков. — URL: http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/dict/lemma (дата обращения: 20.06.2023).
5. Пеллинен Н.А. Обозначение ребенка грудного возраста в карельском языке: этнолингвистический аспект / Н.А. Пеллинен // Материалы всероссийской научной конференции с международным участием «Бубриховские чтения: задокументированное народное слово». — Петрозаводск, 2020. — С. 79-82.
6. Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. — М., 1995. — Т. 1. А-Г.
7. Федотова В.П. Словарь собственно-карельских говоров Карелии − Karjalan varšinaismurtehien šanakirja / В.П. Федотова, Т.П. Бойко. — Петрозаводск, 2009. — 350 с.
8. Федотова В.П. Фразеологический словарь карельского языка / В.П. Федотова. — Петрозаводск: Карелия, 2000. — 260 с.
9. Karjalan kielen sanakirja / Päätoimittaja P. Virtaranta. — Helsinki: SUS, 2005. — VI. — 782 s.
10. Shikalov Y. ”Ilona on käki metsässä, ilona on lapsi perehessä”: Syntyma, imevaiskuolleisuus ja aviottomat lapset Vienan Karjalassa ja Vienanmeren länsirannikolla 1860—1910-luvuilla. — Helsinki: SKS, 2007. — 268 s.
11. Suomen murteiden sanakirja. Kuudes osa: kala—keynätä / Toimitus Matti Vilppula, Ulla Takala. — Helsinki: Kotimaisten kielten tutkimuskeskus, 1999. — XV. — 965 s.
12. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja / Päätoimittaja: U.-M. Kulonen. — Helsinki: SKS, 2000. — Osa 3. — 503 s.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Baranov D.A. Obraz rebenka v predstavlenijah russkih o zachatii i rozhdenii (po jetnograficheskim, fol'klornym i lingvisticheskim materialam) [The Image of the Child in Russian Representations of Conception and Birth (based on

ethnographic, folklore and linguistic materials)]: dis. … PhD in Historical Sciences / D.A. Baranov. — SPb., 1999. — 155 p. [in Russian]

2. Vinokurova I.Ju. Deti v nekotoryh obrjadah i predstavlenijah vepsov [Children in Some Rites and Representations of the Veps] / I.Ju. Vinokurova // Obrjady i verovanija narodov Karelii. Chelovek i ego zhiznennyj cikl [Rites and Beliefs of the Peoples of Karelia. Man and His Life Cycle]. — Petrozavodsk, 1994. — P. 41−64. [in Russian]

3. Golovin V.V. Russkaja kolybel'naja pesnja v fol'klore i literature [Russian Lullaby Song in Folklore and Literature] / V.V. Golovin. — Åbo: Åbo Akademi University Press, 2000. — 451 p. [in Russian]

4. Otkrytyj korpus vepsskogo i karel'skogo jazykov [Open Corpus of Vepsian and Karelian Languages]. — URL: http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/dict/lemma (accessed: 20.06.2023). [in Russian]

5. Pellinen N.A. Oboznachenie rebenka grudnogo vozrasta v karel'skom jazyke: jetnolingvisticheskij aspekt [Baby Denotation in the Karelian Language: Ethnolinguistic Aspect] / N.A. Pellinen // Materialy vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem «Bubrihovskie chtenija: zadokumentirovannoe narodnoe slovo» [Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with International Participation "Bubrichov Readings: Documented Folk Word"]. — Petrozavodsk, 2020. — P. 79-82. [in Russian]

6. Slavjanskie drevnosti: Jetnolingvisticheskij slovar' [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary] / Ed. by N.I. Tolstoy. — M., 1995. — Vol. 1. A-G. [in Russian]

7. Fedotova V.P. Slovar' sobstvenno-karel'skih govorov Karelii − Karjalan varšinaismurtehien šanakirja [Dictionary of Karelian Proper Colloquialisms − Karjalan varšinaismurtehien šanakirja] / V.P. Fedotova, T.P. Bojko. — Petrozavodsk, 2009. — 350 p. [in Russian]

8. Fedotova V.P. Frazeologicheskij slovar' karel'skogo jazyka [Phraseological Dictionary of the Karelian Language] / V.P. Fedotova. — Petrozavodsk: Karelia, 2000. — 260 p. [in Russian]

9. Karjalan kielen sanakirja [Dictionary of the Karelian Language] / Editor-in-chief P. Virtaranta. — Helsinki: SUS, 2005. — VI. — 782 p. [in Finish]

10. Shikalov Y. ”Ilona on käki metsässä, ilona on lapsi perehessä”: Syntyma, imevaiskuolleisuus ja aviottomat lapset Vienan Karjalassa ja Vienanmeren länsirannikolla 1860—1910-luvuilla ["Joy is a Cuckoo in the Woods, Joy is a Child in the Family": Birth, Infant Mortality and Illegitimate Children in Viena Karelia and on the West Coast of the White Sea in the 1860s-1910s]. — Helsinki: SKS, 2007. — 268 p. [in Finish]

11. Suomen murteiden sanakirja. Kuudes osa: kala—keynätä [Dictionary of Finnish Dialects. Sixth part: kala-keynätä] / edited by Matti Vilppula, Ulla Takala. — Helsinki: Centre for the Study of Indigenous Languages, 1999. — XV. — 965 p. [in Finish]

12. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja [The Origin of Finnish words. Etymological Dictionary] / edited by U.-M. Kulonen. — Helsinki: SKS, 2000. — Vol. 3. — 503 p. [in Finish]